

Фоновая композиция: Audiomachine - The Other Side - Время не лечит...

* * *

— Сынок... Подойти ко мне... прошу... — почти беззвучно произнес прикованный к системе жизнеобеспечения Храмовник. Кожа его была подобна коре векового дерева, импланты давно потускнели, а энцефалон переполнили несопоставимые с жизнью ошибки, предвещая полный распад генетической структуры.

— Конечно... — я послушно сел на стул возле медицинской койки.

— Скажи... Ты ведь все еще веришь, что однажды эта война закончится?... — мой отец, Берос тяжело вздохнул, смотря куда-то в сторону города.

Прямо сейчас в объятых алыми огнями «Хаммельсгодхейм» кипела жизнь, жители шли по своим делам, капсулы парили меж серых башен, и лишь у подножия генетического центра собралась толпа понурых людей в плащах, что возносили последние молитвы Понтифику и Юстициару, который раньше вел их за собой.

— Верю... Мы вернем наше право быть в это мире и обязательно увидим, как над горизонтом старой Земли восходит звезда по имени Солнце... Обещаю тебе... — даже зная, что отец уже ничего не чувствует, я положил свою руку поверх его.

— Хе-хе-хе... Слова настоящего Храмовника... — старик грустно улыбнулся,

— Когда-то, во времена великого исхода... я сказал своей матери тоже самое, и это было так грустно... жестоко... Смотреть как самый дорогой человек в твоей жизни увядает, так и не дотянувшись до мечты... Мне хотелось... плакать... возносить хулу... кричать о несправедливости... — и хоть глаза его уже давно утратили былой блеск, где-то глубоко под кромкой черной как уголь склеры тлел огонек древней души, что пережила взлеты и падения нашего народа, и знала людскую суть лучше любого из нас,

— Наверное, сейчас ты считаешь, что это неправильно... поколениями мы ждем, пока Илиас вернется... верим в призрака, которого возможно и нет, но я хочу... сказать... — когда отец запнулся, я ощутил дрожь, ведь знал, каждое его слово может быть последним,

— Сынок... пожалуйста... не отворачивайся от нашего народа... может это покажется бредом... но я чувствую... скоро ожидание закончится... Придет тот, кто напомним Пророку о его обещании... Ветвь мирового дерева... чистокровная ветвь, которую невозможно подделать... — с каждым мгновением энергетические вены на его шее тускнели,

— Бескрылые ангелы проснулись... они рыщут по космосу в поисках тех, кто станет вместилищем их силы... Мир совсем скоро изменится... пророчество... не просто послание от

ставших никем... предтечи сразили... великий свет... и мы... сможем...

— Папа... — сжав отцовскую ладонь еще сильнее, я вернулся в те далекие циклы, когда мир еще не был таким сложным и холодным местом, в циклы, когда не приходилось думать о ком-либо, кроме своей семьи.

— Сынок... ты так сильно вырос... помню, как ты едва мог дотянуться до стола... когда мы с твоей матерью... жили... — мысли старика путались, он будто бы шел на грани пропасти, откуда мог сорваться в любую секунду.

— ... — я даже не заметил, как одинокая слезинка упала на белое покрывало.

— Нет, не плач... поверь, я ни о чем не жалею... моя жизнь была долгой, может когда-то... я и грезил воспоминаниями о старой Земле... но со временем понял... что действительно важно... и поэтому... хочу... сказать... — из последних сил отец поднял дрожащую ладонь и коснулся моей щеки, тщетно пытаясь остановить новые слезы,

— Я вверяю тебе все коды доступа, включая ключ к главному храму... Теперь ты - верховный Понтифик... пастырь нашего народа... — испещренные трещинами от сорванной маски уголки его губ вновь приподнялись,

— Пусть я и не увижу... этого момента... но Пророк обязательно вернется и именно ты встанешь с ними плечом к плечу, чтобы... отвоевать наш украденный мир... — веки отца тяжелили, а голос казался всё тише... и тише...

— Просто подожди... совсем немного... И, если все забудут... Напомни им... Прошу тебя... Сохрани нашу... мечту...

— Да... Клянусь... — ком подступил к горлу, не отрывая взгляда я смотрел как отец медленно засыпает.

— Хорошо... значит... все было... не зря... — его ладонь безвольно упала на белую ткань. Приборы показали ноль на циферблате отведенного временем, Гештальт Бероса Шигейтмана, Юстициара, Понтифика и моего единственного друга вернулся в непроглядную пустоту.

— Папа... папа... — и хоть отец и не мог ответить... не мог открыть глаза... я продолжал окликать его вновь... и вновь... и вновь...

Илиас как-то сказал, что боль утраты делает нас сильнее... что лишь сохранив пламя мечты от неумолимого времени, ты поймешь, чего на самом деле всегда желал... Быть может, он был прав, а быть может, это лишь оправдание для собственной утраты...

Не важно... Совершенно не важно по какой причине он сказал эти слова, ведь только силою

воли мы способны заглушить нестерпимую боль и следовать дальше... сражаться... жить...

Грядет час великой бури, и мы – Храмовники Эквистелла... будем к ней готовы...

* * *

<http://tl.rulate.ru/book/20111/654429>